

Корней Чуковский

Корней

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

Щуковский

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ДЕВЯТЫЙ

ЛЮДИ И КНИГИ

ПРИЛОЖЕНИЕ

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч-88

Чуковский, К. И.

Ч-88 Собрание сочинений: В 15 т. Т. 9: Люди и книги / Коммент. Б. Мельгунова и Е. Ивановой. — М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ. — 496 с. : ил.

ISBN 978-5-519-61482-5 (т. 9)

ISBN 978-5-446-70026-4

В девятый том Собрания сочинений вошел сборник «Люди и книги», посвященный «эпохе Некрасова». Среди статей К. Чуковского — рассказы о писателях 1860-х годов, печатавшихся в некрасовском «Современнике», жизнь и творчество Николая Успенского, Василия Слепцова, А. В. Дружинина, их отношения с Некрасовым, их общественная позиция — все это воссоздает литературную обстановку эпохи.

В приложении помещены критические статьи Чуковского о писателях 19 века, разбросанные по малодоступным изданиям. Среди этих работ — статьи о Тарасе Шевченко, А. К. Толстом, И. В. Омулевском, о мемуарах Т. Пассек и Е. Жуковской.

Большинство статей после революции не переиздавалось.

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6
ВІС FС
BISAC FIC004000

© T8RUGRAM, 2017

© Агентство ФТМ, Лтд., 2017

© К. Чуковский, наследники, 2017

© Е. Чуковская, составление, 2017

ISBN 978-5-519-61482-5 (т. 9) © Е. Иванова, комментарии, 2017

ISBN 978-5-446-70026-4 © Б. Мельгунов, комментарии, 2017

ЛЮДИ И КНИГИ

1

Существует рассказ о том, будто в сороковых годах минувшего столетия один русский степной помещик, человек азартный и размашистый, встретился в Париже с Карлом Марксом и так воспламенился его революционной проповедью, что обещал ему тотчас же по приезде в Россию продать все свое имение, с тем, чтобы вырученные деньги пожертвовать на нужды европейской революции.

Об этом повествует в своих «Литературных воспоминаниях» критик и мемуарист Павел Васильевич Анненков¹. Из тех же «Литературных воспоминаний» мы знаем, что, вернувшись на родину, помещик и думать забыл о своих «горячих словах» и никаких денег на революцию не дал. Все его «горячие слова» оказались пустым бахвальством. Впрочем, Анненков не сомневается в том, что, заявляя о готовности «бросить себя и весь свой капитал в жерло предстоящей революции», этот человек в ту минуту был искренен и свято верил своему обещанию.

Установить фамилию этого человека было довольно легко, потому что она, как мы ниже увидим, неоднократно встречается в тогдашней переписке Маркса и Энгельса, равно как и некоторых других эмигрантов, проживавших в то время в Париже.

Фамилия этого человека — Толстой.

Но что это был за Толстой, долго оставалось невыясненным, причем разнообразные догадки, высказывавшиеся по этому поводу, были зачастую основаны на полном незнании дела.

Так, Марсель Гервег, редактор переписки своего отца, немецкого поэта Георга Гервега, печатая письмо Карла Маркса, где упоминается этот Толстой, без дальних размышлений объявил его Львом Николаевичем, хотя Льву Николаевичу было в ту пору

¹ П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., 1960, с. 301.

не больше семнадцати лет, и он ни разу еще не выезжал за границу¹.

Другой исследователь, немецкий биограф Бакунина, «специалист по анархизму» доктор Макс Неттлау, высказал предположение, столь же беспочвенное, что это — Дмитрий Толстой, впоследствии пресловутый министр народного просвещения и внутренних дел, хотя Дмитрий Толстой был в ту пору зеленым юнцом, только что сошедшим со школьной скамьи и чрезвычайно далеким от всякой политики.

Неизвестный редактор архивного наследия Анненкова², опубликованного лет через пять после смерти писателя, найдя в одном из документов упоминание о том же Толстом, окрестил его Феофилом Толстым, и это было такой же нелепостью³. Феофил Толстой, музыкант и писатель, близкий к придворным кругам, — в качестве многолетнего соратника Фаддея Булгарина, имел слишком определенную репутацию воинствующего мракобеса, и, конечно, никакие связи с революционными деятелями были ему недоступны.

Хитроумнее всех поступил Е. А. Ляцкий, редактор полного собрания писем Белинского. Белинский в одном из писем упоминает об этом самом Толстом, а Ляцкий, даже не попытавшись дознаться, что это был за Толстой, зарегистрировал его фамилию без имени-отчества и тем самым надолго сохранил его инкогнито⁴.

Вскоре, впрочем, нашелся исследователь (Д. Рязанов), занявшийся этим вопросом вплотную. После тщательных раскопок в зарубежных и русских архивах он пришел к убеждению, что то был Яков Толстой, небезызвестный парижский агент русской политической полиции⁵.

Это утверждение было сразу же принято всеми с самой простодушной доверчивостью и никем никогда не оспаривалось.

Проявив большую эрудицию, исследователь сочинил нечто вроде трактата о многогрешном Якове Толстом, о его доносах и предательствах, а также о его провокаторских отношениях к Марксу, — и можно ли сомневаться, что трактат представлял бы собою немалую ценность, если бы тот Толстой, о котором мы сейчас говорили, был и в самом деле Яковым Толстым. Но так как

¹ «Briefe von und an Georg Herwegh». Hrsg. von Marcel Herwegh, 1898, с. 89.

² Здесь и далее знаком «*» обозначены комментарии в конце тома. — *Примеч. сост.*

³ «Анненков и его друзья». СПб, 1892, с. 521.

⁴ В. Г. Белинский. Письма. Т. III (1843—1848). СПб., 1914, с. 179.

⁵ Д. Рязанов. Карл Маркс и русские люди сороковых годов. Второе дополн. изд. М., 1920, с. 27—71.

Яков Толстой здесь ни при чем, весь этот кропотливый и затейливый труд оказался совершенно никчемным.

Странным образом в литературе о Марксе и Энгельсе эта ошибка держалась не меньше пятнадцати лет. Еще в 1926 году вышла в Центральном архиве любопытная книга донесений Якова Толстого в Третье отделение о революционных событиях 1848 года во Франции¹, и в предисловии к ней повторяется та же легенда о личных сношениях этого чиновника тайной полиции с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом².

Между тем не требуется никакой эрудиции, чтобы с первого же взгляда заметить, что ни одной чертой своей личности Яков Толстой не похож на того «степного помещика», который фигурирует в воспоминаниях Анненкова. Яков Толстой был осторожный, замкнутый, уклончиво-корректный чиновник, которому никакие широкие жесты были совершенно несвойственны, а тот Толстой, о котором мы сейчас говорим, был, судя по воспоминаниям Анненкова, человеком другого, прямо противоположного психологического склада. И все же, когда в 1928 году я в своем предисловии к «Воспоминаниям» А. Я. Панаевой дерзнул указать по какому-то случайному поводу, что «степной помещик», встречавшийся с Марксом в Париже, был не Яков, а Григорий Толстой*, человек в своем роде весьма примечательный, и что именно об этом Григории Толстом говорится в воспоминаниях Анненкова, мое утверждение было встречено с большим недоверием и даже, как это ни странно, с раздражением.

В «Летописях марксизма» появилась статья Д. Рязанова, где он не то чтобы опровергал мое указание на Григория Толстого, но третировал его как пустую гипотезу, не подкрепленную фактами.

«К сожалению, — иронизировал он, — К. Чуковский забыл нам сообщить, как ему все это удалось установить»³.

И тут же выражал сожаление, что я не представил читателю никаких писем Григория Толстого, дабы «произвести экспертизу

¹ «Революция 1848 г. во Франции. Донесения Якова Толстого». Предисл. Г. Зайделя и С. Красного. Л.: Изд. Центрархива, 1926.

² В том же архивном источнике, из которого составители почерпнули опубликованные ими материалы, было помещено и незамеченное ими донесение Якова Толстого о молодом Марксе и его знаменитом издании «Deutsch-Französische Jahrbücher». Донесение относится как раз к 1844 г., когда произошла и парижская встреча К. Маркса с Г. Толстым. Этот документ, столь красноречиво обнаруживающий грубую ошибку автора предисловия, опубликован ныне в «Литературном наследстве». Т. 31–32, с. 604–605.

³ Д. Рязанов. Новые данные о русских приятелях Маркса и Энгельса. — «Летопись марксизма». Т. VI, 1928, с. 41.

и путем их сравнения с имеющимся в оригинале письмом Толстого к Марксу доказать тождественность их почерков»¹.

Писем я действительно никаких не представил, но мизерно скудной была бы методика историко-литературных исследований, если бы сличение почерков являлось ее главным ресурсом.

В данном случае гораздо плодотворнее сличение психических особенностей того и другого Толстого.

В ту пору у нас все еще процветала обширная категория историков, у которых вполне атрофировалась живая способность вникать в психологию изучаемых ими исторических лиц. Иначе эта странная ошибка не держалась бы в литературе столько лет, а была бы опровергнута тотчас же, так как не требуется никаких документов, чтобы утверждать с непоколебимой уверенностью, что парижским знакомым и собеседником Маркса и Энгельса был отнюдь не полицейский агент Яков Николаевич Толстой, а помещик Казанской губернии Григорий Михайлович Толстой, человек довольно популярный в тогдашних политических, писательских и светских кругах.

Ведь в литературе издавна известен один поступок Григория Михайловича, который во многих подробностях, во всей своей внутренней сущности так изумительно похож на описанный Анненковым поступок неведомого «степного помещика», что прямо-таки невозможно отказаться от мысли, что оба эти поступка совершены одним и тем же лицом.

Если бы даже мы ничего другого не знали о Григории Толстом, кроме того эпизода, о котором я сейчас говорю, мы и тогда не могли бы отказаться от мысли, что он — и никто другой — обещал Карлу Марксу продать свое степное имение, чтобы, по выражению Анненкова, «бросить себя и весь свой капитал в жерло предстоящей революции».

2

Этот эпизод входит в биографию Некрасова и до того характерен, что давно уже следовало бы возможно пристальнее всмотреться в него, тем более что он связан с одним из важнейших событий в истории нашей общественности — с основанием журнала «Современник».

Дело происходило в 1846 году. То был поворотный год в жизни молодого Некрасова, год его необыкновенных литературных

¹ Д. Рязанов. Новые данные о русских приятелях Маркса и Энгельса. — «Летопись марксизма». Т. VI, 1928, с. 42.